

* * *

Май начался, но сад ещё прозрачен.
Соцветиями только обозначен
едва фруктово-ягодный приплод.
Они ещё зажаты кулаками,
хоть небо не прикрыто облаками –
мол, погоди, посмотрим, как пойдёт.
И если милосердная природа
благоволит желанию народа,
тот и на небо искоса глядит,
исполненное вечного подвоха:
отлично лишку, хватит и неплохо...
И время по черёмухе следит.

* * *

Поведа на прохладе плечом,
ощути, как ребёнок, спросонок:
запах груши едва различим,
запах сливы неслыханно тонок.
И, почуяв животную связь,
неподвластную точным наукам,
улови, как, перевоплотясь,
он становится светом и звуком.

ЖИМОЛОСТЬ

Покупали сад, а словно по наследству
он достался нам вдали от суеты.
Там за яблонею рослой по соседству –
ранней жимолости давние кусты.
Впереди иных от радостного солнца
под живой его рекою световой
сизых ягод наливные веретёнца
наполняются небесной синевою.

Но который год на памяти бороздка:
веретёнец этих с каждого куста
набирается лишь маленькая горстка –
не распробуешь, по правде ли вкусна...

Покуражится весна порою майской
или смиляется – перемены нет.
Тоже требует заботы маломальской,
чтобы цвет не обращался в пустоцвет.
Но едва неистребимая природа
распечатывает солнечные дни,
вновь на жимолости с полуоборота
распускаются весёлые огни.

Если даже наберётся по напёрстку
и опять её на вкус не уловлю,
ранней жимолости маленькую горстку
я с тобою непременно разделю.
Пусть от первого весеннего отростка
будет помниться до ранних холодов
малость жимолости – молодости горстка,
обещание несбыточных плодов.

* * *

Где на обе стороны земли
по степи распластаны коренья,
гнёзда родовые заросли
одичалой вишней и сиренью.
Поднялся над мамой карагач
на затравенелом перегное...

– Не пугайся, маленький, не плачь –
это дело вечное, земное.
Зарастает – значит приняла.
Принята – не значит неподвижна...

Долго на ладони тяжела
мимоходом сорванная вишня.

* * *

Переменить, что было,
жизни вполне хватило –
треснувшую страну,
лопнувшую струну...
Ладно, что не жену –
должен на свете быть,
кого не переменить.

Жизни сухой остаток
вроде не больно сладок –
всего, что душа могла,
Родина не приняла.
Да есть ещё кипяточка
на два или три глоточка.

Может, и слава Богу –
прожили понемногу,
сами держась собой...
Да не само собой –
на цыпочки привставали,
пальчиками доставали
среди взбаламученной глубины
прежние валуны.

* * *

А жизнь остерегает: насладись –
единственная, хоть и неказиста...
Развеют прах, зачистят жёсткий диск,
а с книгами придётся повозиться.

Что ни напишем и наговорим –
крошатся пеплом вещи человечьи...
Мы в них по-настоящему горим –
да костровые отблески зловещи.
Дешёвые годны на перекур,
но сеет кто из нынешних махорку?..

И я в библиотечный коридор
непрочности своей наперекор,
продолжив незапамятный набор,
себя сложил на полку и подкорку
в надежде, что недолговечный труд,
исполненный безвыходной отваги,
не дети, так иные подберут,
не тяготясь обузою бумаги.